

*Сахневич М. С.,
аспірант всеукраїнської кафедри
мирової літератури та культури
імені професора Олега Мишукова
Херсонського державного університету*

ОСОБЕННОСТИ ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ ПОЗДНИХ СТИХОТВОРЕНИЙ И. БРОДСКОГО

Аннотация. В статье выявлена специфика лирического героя как одной из форм авторского сознания в поздних стихотворениях И. Бродского, вошедших в поэтическую книгу «Пейзаж с наводнением (Стихи 1987–1994 гг.)». В работе представлен теоретический аспект проблемы, рассматриваются традиционные и современные точки зрения относительно проявления авторского сознания в поэтическом тексте.

Ключевые слова: лирический герой, лирический субъект, собственно автор, цветосимволика, метафизическая метафора, мотив.

Постановка проблемы. Начиная с 20-х гг. минувшего столетия, проблема форм авторского сознания активно исследуется в филологической науке (М. Бахтин, В. Виноградов, Я. Зунделович, Н. Рымарь, И. Карпов, Е. Орлова). Она решается как при изучении творчества отдельных авторов, так и в работах обобщающего характера. Как известно, особенности авторского сознания в значительной степени обусловлены родовой принадлежностью художественного текста. В литературоведческих трудах, посвященных изучению поэзии, внимание исследователей чаще всего сосредоточено на традиционных понятиях, а именно: «лирический герой», «лирическое «Я», «образ автора лирического текста», «собственно автор», «голос», «лирический субъект», «ролевой герой», «лирический персонаж», «персонаж-мистификация», «авторская маска». Все они отражают те или иные аспекты авторского сознания и индивидуальной поэтики. Теоретические поиски в этом направлении обогащаются анализом таких дефиниций, как «субъект-объектные», «субъект-субъектные» отношения в лирике, «неосинкретический субъект», «внеличинные формы выражения авторского сознания», которые существенно расширяют представление о формах авторского сознания в поэзии (Ю. Тынянов, Л. Гинзбург, Б. Корман, С. Бройтман, С. Руссова, И. Романова).

Цель настоящей статьи – выявить специфику лирического героя как одной из форм авторского сознания в поздних стихотворениях И. Бродского, вошедших в книгу стихов «Пейзаж с наводнением (Стихи 1987–1994 гг.)». На территории огромного «архипелага» бродсковедения этот аспект наименее изучен.

Общезвестно, что понятие «лирический герой» впервые сформулировано Ю. Тыняновым в статье «Блок». По мнению ученого, лирический герой – это «посредник, миф о поэте, созданный им самим» [18, с. 119]. В своем исследовании «О лирике» Л. Гинзбург утверждает двуплановость лирического героя: «... этот лирический двойник, эта живая личность поэта отнюдь не является эмпирической, биографической личностью, взятой во всей противоречивой полноте и хаотичности своих проявлений» [4, с. 128]. Литературоведы едины в утверждении, что лирического героя, несмотря на его близость к писателю, нельзя отождествлять с личностью самого автора. Кроме того, Л. Гинзбург выде-

ляет такие характерные черты лирического героя: внешность, двуплановость и психологизм. Следует отметить, что с двуплановостью лирического героя согласна и И. Роднянская. Литературовед пишет, что лирический герой – это «...своего рода художественный двойник автора-поэта» [15, с. 185]. Также интересным является замечание исследовательницы о том, что для сознания читателя лирический герой является некой легендарной правдой об определенном поэте. Для Б. Кормана лирический герой является особым типом сознания, при этом литературовед утверждает, что лирический герой «...является и субъектом, и объектом в прямооценочной точке зрения. Лирический герой это и носитель сознания, и предмет изображения: он открыто стоит между читателем и изображаемым миром» [9, с. 39]. Эти теоретические позиции положены в основу нашего исследования лирического героя И. Бродского.

Рассматривать лирического героя И. Бродского сложно, так как верно отметил Б. Хазанов: «Бродский – первый, а может быть, единственный в русской поэзии большой и крупный поэт, который не является лириком... Это поэт, которому лирическая стихия чужда, может быть, противопоказана» [13, с. 132]. Тем не менее, такие попытки имеются, но зачастую проблему «автор и лирический герой» рассматривают в контексте других, не считая ее специальным предметом.

Существуют различные точки зрения по этой теме. Так, по утверждению некоторых литературоведов, поэзия И. Бродского не дает оснований для определения в ней лирического героя. Поэтому В. Полухина предлагает употреблять термин «автопортрет поэта», а В. Кулле – «авторское «я». Противоположной точки зрения придерживается И. Романов. По его мнению, «найденные Полухиной примеры «автохарактеристик» поэта могут рассматриваться и как принадлежащие лирическому герою, который есть не что иное, как форма авторского сознания. Литературоведческий анализ В. Кулле также вряд ли пострадал бы, если вместо понятия «авторское «я» исследователь использовал бы понятие лирическое «я» [16]. По сути, речь идет о терминологической «разногласии», которая действительно существует при рассмотрении форм авторского сознания в лирике.

Синонимии категорий «лирический герой», «лирическое «я», «лирический субъект» и других терминов, характеризующих формы авторского сознания, наблюдаем в статье И. Романовой «Субъектно-объектная структура лирики Бродского» [17]. Автором статьи предложена оригинальная типология способов выражения лирического субъекта в поэзии И. Бродского. В ее основе – внутритекстовая коммуникация, которую составляют лирический субъект, сообщаемое и лирический адресат [17, с. 36]. Литературоведом сформулированы такие способы выражения лирического субъекта: 1) безлично; 2) «я» повествуемое (термин В. Шмида); 3) «я» повествующее (термин В. Шмида); 4) лири-

ческое «я» в форме ролевого персонажа; 5) «я» повествуемое в единстве с «я» повествующим; использование субъектных форм «ты» и «вы» – автокоммуникативное; субъектно-объектные формы «ты» и «вы» [17, с. 36-42]. Типология проиллюстрирована рядом убедительных примеров.

В то же время в рассуждениях И. Романовой, как представляется, присутствует некоторая понятийная несогласованность. Это касается коммуникативной модели лирического стихотворения, которая выглядит так: «собственно автор создает лирическое произведение, адресованное идеальному (абстрактному) читателю» с последующим разъяснением ее составляющих. Под «собственно автором» понимается «реальная конкретная личность автора-создателя лирического текста» [17, с. 36], то есть автор биографический.

Как известно, «собственно автор» – термин Б. Кормана, которым он определяет одну из форм авторского сознания. По утверждению литературоведа, это «один из субъектов сознания, характерных для лирики. Он, как и лирический герой, связан со своими объектами прямо-оценочной точкой зрения. Но, в отличие от лирического героя, СА не является своим объектом. В стихотворении с СА для читателя на первом плане не он сам, а какое-то событие, обстоятельство, ситуация, явление, пейзаж. СА выступает здесь как человек, который видит пейзаж, изображает обстоятельства, воспроизводит ситуацию и, главное, выражает отношение ко всему описанному» (выделено автором цитаты. – С.М.) [8, с. 183]. Как видим, в построениях Б. Кормана собственно автор наиболее близок к автору биографическому, однако не тождественен ему. Возможно, в типологии И. Романовой имеет место родовое несоответствие в выделении «я» повествуемого и «я» повествующего в поэтических текстах. Тем не менее, ее основные моменты, безусловно, помогают ориентироваться в сложных вопросах субъектной сферы.

Еще один взгляд на проблему автора и лирического героя в поэзии И. Бродского принадлежит С. Гандлевскому. Он отмечает «подвижное равновесие между собой-прототипом и собственным запечатленным образом». Автор «Трепанации черепа» усматривает в этом традицию «романтической соразмерности автора лирическому герою», присущей поэзии Дж. Байрона [3, с. 116].

Диссертация И. Романова «Лирический герой поэзии И. Бродского: Преодоление маргинальности» является наиболее системным исследованием этой проблемы [16]. В ней лирический герой поэзии И. Бродского рассматривается как маргинальный по отношению к общепризнанным ценностям и идеологемам. Его вектор сознания направлен на преодоление маргинальности прежде всего в онтологическом измерении. Это относится к глубинным прозрениям сущности мира, человека, Бога. Лирический герой И. Бродского сознательно избирает неконформистскую позицию ради обретения свободы духовных исканий и творчества. В диссертации доказано, что именно творчество становится для лирического героя выходом из экзистенциального тупика и обретением духовной вертикали как прорыва в трансцендентное. Лирическому герою И. Бродского соответствует мотивная структура, включающая мотивы болезни, смерти, старения и связанные с ними ощущения тоски, отчаяния. Автор диссертации отмечены «фирменные» черты поэтики И. Бродского – это анжамбеманы, отражающие фрагментарность и беспорядочность мира, полилексичность, смещение возвышенного и низменного, сквозные мотивы и образы.

Изложение основного материала исследования. Выбор стихотворений для изучения поставленной проблемы может показаться случайным, но на самом деле это не так. Для поэзии

И. Бродского особенно актуально определение М. Бахтина, согласно которому лирический герой – не образ-характер, а образ-личность [16, с. 113]. Каждое из произведений отражает ту или иную грань лирического героя И. Бродского как формы выражения авторского сознания.

Так, в стихотворении «В кафе» лирический герой Бродского пытается разгадать тайны мироздания: «...сизжу, шелестя газетой, раздумывая, с какой / природы все это списано? чей покой, / безымянность, безадресность, форму небытия / мы повторяем в летних сумерках – вяз и я?» [2, с. 502]. Интересным является самоопределение лирического героя: он и «всечеловек», и «один из», и «подсохший мазок в одной из живых картин, которые пишет время». Возможно, подобная двойственность является отражением заинтересованности поэта в метафизике, в вечных вопросах мира и бытия, но в то же время лирический герой является человеком, которого создало время. Подтверждением этого наблюдения может служить работа М. Крепса «О поэзии Иосифа Бродского». Анализируя поэтическое творчество поэта в метафизическом контексте, он называет поэтическим кредо И. Бродского его стремление к решению неразрешимых вопросов человеческого бытия, а также «любого материального и духовного существования во времени и пространстве» [10]. Меланхолизм мировосприятия, а также определенную бессмысленность существования подчеркивают строки: «...которые пишет время, макая кисть / за неимением, верно, лучшей палитры в жизнь...».

Лейтмотивом стихотворения «Fin de Siecle» является тема времени-разрушителя, времени-убийцы. Эта тема раскрыта И. Бродским в аспекте смены культурных эпох. Стихотворение наполнено ностальгией, рука об руку с ней идет мотив бренности бытия. Следует также отметить, что первая строка указанного стихотворения оказалась пророческой для самого поэта: «Век скоро кончится, но раньше кончусь я». Лирический герой, остро воспринимая смену веков, вопрошает: «Кто думал, что их сотрет, / как резинкой с бумаги усилья карандаша, / время?» и сразу же дает ответ: «...Никто, ни одна душа. / Однако время, шурша, // сделало именно это». Лирическому герою чужды те изменения, которые он наблюдает: «Новые времена! Печальные времена!». В то же время он не собирается противостоять времени, покоряется ему: «...Я не трус; я готов быть предметом из / прошлого, если таков каприз / времени...», «...Я готов, чтоб меня песком / занесло и чтоб на меня пешком / путешествующий глазком // объектива не посмотрел и не / исполнился сильных чувств...» [2, с. 505].

Рассмотренные выше стихотворения объединяет тема времени и его художественного воплощения в лирике И. Бродского. Ключом к осознанию восприятия времени лирическим героем является восприятие времени самим И. Бродским. В интервью Дж. Глэду поэт сказал: «Дело в том, что то, что меня более всего интересует и всегда интересовало на свете... – это время и тот эффект, какой оно оказывает на человека, как оно его меняет, как обтачивает, то есть это такое вот практическое время в его длительности. Это, если угодно, то, что происходит с человеком во время жизни, то, что время делает с человеком, как оно его трансформирует. С другой стороны, это всего лишь метафора того, что вообще время делает с пространством и миром» [6, с. 117].

Стихотворение «Я слышу не то, что ты мне говоришь, а голос...» показывает, что лирическому герою поэта не чужд и некий лиризм. Отличительной чертой указанного стихотворения являются воспоминания лирического героя о былой любви: «Теперь вокруг тебя волнами ходит сволочь. / Ты носишь светлые платья. И я грущу» [2, с. 518]. Также в стихотворении присутствует мотив конечности бытия: «Когда-то я знал на па-

мать все краски спектра. / Теперь различаю лишь белый, врача смутив. / Но даже если песенка вправду спета, / от нее остается еще мотив». Интересным является восприятие мира лирическим героем сквозь призму белого цвета. Символика белого цвета неоднозначна. Со времен античности белый цвет символизировал отрешенность от мирского, устремления к духовной простоте, а в христианской традиции принято обозначать белым родство с божественным светом. С другой стороны, белый является одним из ахроматических цветов и, по своей природе, как бы поглощает, нейтрализует другие цвета, соотносится с пустотой, бестелесностью, ледяным молчанием и в конечном итоге, в Китае и в некоторых других странах Азии и Африки, – со смертью. Таким образом, мы еще раз убеждаемся, что лирический герой И. Бродского осознает абсурдность бытия и выражает позицию человека отчужденного от мира.

Тоской наполнено стихотворение: «Я позабыл тебя, но помню штукатурку...», посвященное Н.Н. Возможно, эта аббревиатура происходит от латинского выражения *Nomen Nescio*, что переводится как «имени не знаю». Исходя из этого, стихотворение может быть посвящено одновременно всем девушкам, с которыми был знаком поэт в Ленинграде, и никому. Не персонифицированное посвящение подтверждает признание лирического героя в том, что его памяти ближе мир вещей, нежели собирательный образ девушки: «Я позабыл тебя, но помню штукатурку / в подъезде, вздувшуюся щитовидку / труб отопленья...». В этом стихотворении И. Бродский использует метафоры, построенные по принципу метафизической поэзии, представители которой связывали трагизм мировосприятия с ощущением распада цельности мироздания. Следует отметить, что метафизической поэзии характерно открытие скрытой схожести абсолютно различных предметов [1], а подобные сопоставления носят иронический или даже парадоксальный характер. Такие метафизические метафоры, как «вздувшаяся щитовидка труб отопленья», «сыпь звонков», «псориаз асбеста» указывают на болезненную атмосферу стихотворения и болезненное мировосприятие самого лирического героя. Лирический герой И. Бродского просит совета: «Что посоветуешь? Развеселиться? / Взглянуть на облако?», и в тоже время сам отказывается слушать какие-либо советы. Он утверждает, что «...я – единственный теперь, кто мог бы / припомнить всю тебя в конце столетия / вне времени». Забвение, которому предается память о былых увлечениях поэта, лирический герой сравнивает с гибелью Помпеи. При всем при этом утверждается, что небытие данному образу к лицу: «...И сохраняет, а не / растрчивает, как сбереженья, / во избежание обмороженья, / тепло, оставшееся от изверженья» [2, с. 543].

Стихотворение «Песня о красном свитере», посвященное В. Уфлянду, раскрывает глубинный страх И. Бродского забыть родной язык. Лирический герой видит будущее «одетым в вещь заморскую». Герой не без иронии перечисляет будущие блага, заимствованные из Запада. На их счет он не питает радужных иллюзий: «Вот думаю, во что все это выльется». Неспроста, в случае, если «...вдруг начнет хромать кириллица, / от сильного избытка вещи фирменной», лирический герой обращается с просьбой именно к серафиму из стихотворения А.С. Пушкина «Пророк»: «...приникни, серафим, к устам и вырви мой, // чтобы в широтах, грубой складкой схожих с робою, / в которых Азию легко смешать с Европою, // он трепыхался, поджидая басурманина, / как флаг, оставшийся на льдине без Папанина» [2, с. 561]. Вероятно, сравнение языка с флагом Папанина символизирует одиночество лирического героя, который, подобно флагу, остался абсолютно один во враждебном и чуждом ему мире. Образ кириллицы, букв, языка

является сквозным для всего творчества поэта. И. Бродский признает власть языка над собой, утверждая: «... поэт всегда знает, что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования» [11, с. 425].

В стихотворении «Ответ на анкету» лирический герой является современником И. Бродского. Его беспокоит далекая от идеала структура политического устройства, сложившаяся на родине поэта. Размышляя над порядком дней чиновников, лирический герой приходит к выводу: «Но нестерпимее всего филенка с плитусом, / коричнево, прямоугольность с привкусом / образования; рельеф овса, пшеницы ли, / и очертания державы типа шницеля. // Нет, я не подхожу на пост министра. / Мне все надоедает слишком быстро» [2, с. 581]. Ответственность за то, что родина «голая» и предстает с лицом самого поэта, возлагается на правительство, которое не может помочь «...с этим чувством справиться». Интересным является замечание О. Глазуновой относительно символики коричневого цвета, который, по мнению исследовательницы, использован И. Бродским для характеристики политической верхушки России. О. Глазунова приходит к выводу, что «меркантильность («коричнево») и ограниченность («прямоугольность») государственных деятелей, мышление которых осталось на уровне председателей колхозов, и тоска по советским временам... вызывают у поэта презрение» [5, с. 249]. Размышляя над тем, кто же действительно заслуживает «звание гражданина», лирический герой затрагивает тему времени, ведь граждане должны рассчитывать: «...абсолютно ни на / кого – от государства до наркотиков – / за исключением самих себя и ходиков...», что является еще одним доказательством эфемерности существования всего земного, так как лишь времени подвластна власть над человеческой жизнью. Интересно, что этимология слова «ходики» родственна греческим словам «путь», «странник», «странствую». Учитывая интерес И. Бродского к наследию античности, чьими реминисценциями наполнены многие стихотворения поэта, вполне вероятно, что лирический герой является неким странником во времени.

Стихотворение «Мы жили в городе цвета окаменевшей водки...» наполнено ностальгией по ушедшим временам. Лирический герой не без иронии вспоминает о своей жизни: об электричестве, которое поступало в дома с болот, о «неуклюжей» одежде, которая отражала географическое расположение – «близость Арктики». Тихую боль перемен передает строка: «Я не знал, что когда-нибудь этого больше уже не будет». Лирический герой утверждает абсурдность метаморфозы будущего: «Странно и неприятно / думать, что даже железо не знает своей судьбы / и что жизнь была прожита ради апофеоза / фирмы Кодак, поверившей в отпечатки / и выбрасывающей негативы» [2, с. 606]. Последняя строка стихотворения «Райские птицы поют, не нуждаясь в упругой ветке» отсылают к восприятию лирического героя в новом свете – это герой-изгнанник, герой, лишенный родного дома. Кроме того, эта строка, по мнению А. Ранчина, может трактоваться как «утверждение способности стихотворца «петь», даже «оторвавшись» от родного края, утратив близких» [14, с. 73].

Самоиронией и светлой грустью наполнено стихотворение «Меня упрекали во всем, окромя погоды...», которое завершает книгу стихов «Пейзаж с наводнением». Лирический герой-изгнанник предается размышлениям о мире, в котором его уже не будет, мире, где он станет «просто одной звездой». Он грезит о том, чтобы отгородиться от мирских проблем: «...не видя, как войско под натиском ширпотреба / бежит, преследуемо пером» и слиться с космосом в единое, целое, вечное. Исходя из осознания

продолжения жизни поэзии в универсуме, лирическому герою не страшно небытие, в какой-то мере он даже рассчитывает на его благодарность: «...то общего, может, небытия броня / ценит попытки ее превращения в сито / и за отверстие поблагодарит меня» [2, с. 625].

Выводы. Таким образом, лирический герой книги стихов И. Бродского «Пейзаж с наводнением» – это человек без имени и без определенных внешних характеристик, и в тоже время он автобиографичен и близок поэту. Он – изгнанник, одиночка, который стал свидетелем трансформаций и изменений, предшествующих смене эпох. Лирический герой открыто выражает свою неприязнь к подобным изменениям, но в тоже время занимает позицию стороннего наблюдателя. В отличие от более ранних стихотворений поэта, в книге стихов «Пейзаж с наводнением» лирический герой, несмотря на осознание конечности своего земного существования, верит в творческое бессмертие. Проблема лирического героя в сборнике стихов И. Бродского «Пейзаж с наводнением» является плодотворной почвой для дальнейших исследований.

Литература:

- Johnson S. / S. Johnson. – Selected Writings, Penguin Books, 1968.
- Бродский И. Малое собрание сочинений / И. Бродский. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2013. – 880 с.
- Гандлевский С. Олимпийская игра / С. Гандлевский // Иосиф Бродский : творчество, личность, судьба // Журнал «Звезда». – 1998. – С. 116–118.
- Гинзбург Л.Я. О лирике / Л.Я. Гинзбург. – Л. : Сов. писатель, 1974. – 320 с.
- Глазунова О.И. Иосиф Бродский : американский дневник / О.И. Глазунова. – СПб. : Нестор-История, 2005. – 374 с.
- Глэд Дж. Беседы в изгнании : Русское литературное зарубежье / Дж. Глэд. – М. : Кн. палата, 1991. – 320 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://royallib.ru/read/gled_dgon/besedi_v_izgnanii_russkoe_literaturnoe_zarubege.html#0.
- Иосиф Бродский : проблемы поэтики : сб. науч. трудов и материалов / ред. А.Г. Степанов, И.В. Фоменко, С.Ю. Артемова. – М. : Новое литературное обозрение, 2012. – 504 с.
- Корман Б.О. Избранные труды по теории и истории литературы / Б.О. Корман ; предисл. и составл. В.И. Чулкова. – Ижевск : Изд-во Удм. ун-та, 1992. – 236 с.
- Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов / Б.О. Корман // Проблемы истории критики и поэтики реализма. – Ижевск, 1992. – С. 39–54.
- Крепс М. О поэзии Иосифа Бродского / М. Крепс – Ann Arbor : Ardis Publishers, 1984 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://lib.ru/BRODSKIИ/kreps.txt>.
- Полухина В. Иосиф Бродский. Большая книга интервью / В. Полухина. – М. : Захаров, 2000. – 702 с.
- Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников / В. Полухина. – СПб. : Изд-во журнала «Звезда», 2006. – 384 с.
- Полухина В. Поэтический автопортрет Бродского / В. Полухина // Иосиф Бродский : творчество, личность, судьба. – СПб., 1998. – С. 132.
- Ранчин А. «На пиру Мнемозины» : Интертексты Иосифа Бродского / А. Ранчин. – М. : Новое лит. обозрение, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.litmir.net/br/?b=192436&p=73>.
- Роднянская И.Б. Лирический герой / И.Б. Роднянская // ЛЭС. – М., 1987. – С. 185.
- Романов И.А. Лирический герой поэзии И. Бродского : преодоление маргинальности : дис. ... канд. филолог. наук : спец. 10.01.01 «Русская литература» / И.А. Романов. – М., 2004. – 201 с.
- Романова И.В. Субъектно-объектная структура лирики Бродского // Иосиф Бродский : проблемы поэтики : сб. науч. тр. и материалов / ред. А.Г. Степанов, И.В. Фоменко, С.Ю. Артемова. – М. : Новое лит. обозрение, 2012. – С. 34–49.
- Тынянов Ю.Н. Блок / Ю.Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино. – М. : Наука, 1977. – С. 118–123.

Сахневич М. С. Особливості ліричного героя в пізніх віршах Й. Бродського

Анотація. У статті виявлена специфіка ліричного героя як однієї з форм авторської свідомості в пізніх віршах Й. Бродського, що увійшли до поетичної книги «Пейзаж з повінню (Вірші 1987–1994 рр.)». У роботі представлено теоретичний аспект проблеми, розглядаються традиційні та сучасні точки зору відносно прояву авторської свідомості в поетичному тексті.

Ключові слова: ліричний герой, ліричний суб'єкт, власне автор, кольоросимволіка, метафізична метафора, мотив.

Sakhnevych M. Peculiarities of lyrical hero in Brodsky's late verses

Summary. The article exposes particularity of lyrical hero as a form of author's consciousness in Brodsky's late verses, that are included in the book of poetry „Landscape with a flood (Verses of 1987–1994)”. The paper ideates theoretical aspect of the problem, distinguishes both traditional and modern standpoints concerning the manifestation of the author's consciousness in poetic texts.

Key words: lyrical hero, lyrical subject, author himself, colorsymbolism, metaphysical metaphor, motive.